

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

На правах рукописи

АЛЕКСАНДРОВА
ЭЛЬМИРА КАМИЛЬЕВНА

**РОМАНЫ ГАЙТО ГАЗДАНОВА 1920–1930-х гг.
(ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО КОММЕНТАРИЯ)**

Специальность 10.01.01–10 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2010

Работа выполнена в Отделе новой русской литературы
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Научный руководитель:

доктор филологических наук Сергей Акимович Кибальник

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук Дмитрий Викторович Токарев

кандидат филологических наук Любовь Дмитриевна Бугаева

Ведущая организация:

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Защита диссертации состоится 13 декабря 2010 г. в 14.00 на заседании Диссертационного совета Д.002.208.01 Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Автореферат разослан ноября 2010 г.

Ученый секретарь Специализированного совета
кандидат филологических наук

С. А. Семячко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Гайтó Газданов (1903–1971) — писатель младшего поколения «первой волны» русской эмиграции. Его ранние романы вызвали большой резонанс в критике русского зарубежья. В 1930-е гг. Газданова, наряду с В. Набоковым, называли лучшим прозаиком среди писателей-младоземигрантов.

Романное творчество Газданова 1920–1930-х гг. представляет собой определенное единство. «Вечер у Клэр» (1929, опубл. 1930), «История одного путешествия» (1934–1935) и «Ночные дороги» (1939–1941) в некотором отношении составляют трилогию (несмотря на отличие повествовательной структуры «Истории одного путешествия»). Для них характерно исповедальное начало, автобиографичность, отсутствие единого связного сюжета. В дальнейшем Газданов переходит к другому типу романа. «Полет» (1939–1946), «Призрак Александра Вольфа» (1947–1948) и все последующие романы — это уже произведения с четко выстроенным сюжетом.

Первым опытом комментированного издания отдельных произведений Газданова разных лет стала книга, подготовленная С. С. Никоненко (*Газданов Г. Вечер у Клэр. Романы и рассказы. М., 1990*). Вошедшие в нее романы («Вечер у Клэр», «История одного путешествия» и «Ночные дороги») снабжены кратким комментарием, главным образом реальным, с указанием первой публикации и в некоторых случаях — первых отзывов в критике.

Трехтомное собрание сочинений Газданова 1996 г. (дополнительный тираж — в 1999 г.; под ред. В. П. Кочетова, коммент. Л. Диенеша, С. С. Никоненко, Л. В. Сыроватко) включило обширный корпус произведений, напечатанных при жизни автора. Однако за его пределами остались неопубликованная проза, эпистолярное и литературно-критическое наследие писателя.

Пятитомное собрание сочинений Газданова 2009 г. (под общ. ред. Т. Н. Красавченко, коммент. Л. Диенеша, Т. Н. Красавченко, С. С. Никоненко, А. И. Серкова, Л. В. Сыроватко, С. Р. Федякина, Ф. Х. Хадоновой, М. Н. Шабуровой) ввело в читательский и научный оборот обширный корпус новых материалов. В нем представлена проза, не изданная при жизни автора; собраны его литературно-критические эссе, рецензии и заметки. Важным источником для прояснения литературных взглядов и предпочтений писателя является раздел четвертого тома «Выступления на радио “Свобода”. 1960-е–1971». Большую ценность имеет опубликованная в пятом томе переписка Газданова с одноклассниками по Шуменской гимназии, писателями-современниками, издателями, исследователями его творчества. В этом же томе помещен каталог архива Газданова в Хотонской библиотеке Гарвардского университета, составленный Л. Диенешем (в пер. Т. Н. Красавченко), воспроизведена полемика вокруг статьи Газданова «О молодой эмигрантской литературе» (1936), а также представлена подборка материалов, включающих критические отклики на его творчество и воспоминания современников о нем. Все это значительно расширяет возможности историко-литературного комментария к произведениям писателя.

Подготовка столь обширного корпуса материалов (многие из них ранее не были опубликованы), по всей видимости, не позволила составителям издания провести работу по расширению и углублению уже имеющегося комментария к произведениям Газданова. К сожалению, комментарий к романам 1920–1930-х гг. не был расширен и остался, за исключением отдельных случаев, практически идентичным комментарию трехтомного собрания 1996 г. Между тем за полтора десятилетия, прошедшие после выхода первого собрания сочинений, газдановедение пополнилось многочисленными общими и частными исследованиями, принадлежащими перу отечественных и зарубежных ученых. Накоплено

немало сведений и наблюдений, относящихся к биографическим, художественным, философским, идеологическим, религиозным аспектам изучения творчества писателя. Опубликованы монографии Л. Диенеша (1995), С. М. Кабалоти (1998), Н. Д. Цховребова (1998, 2003), Ю. В. Матвеевой (2001), Ю. В. Бабичевой (2002), О. М. Орловой (2001), О. С. Подуст (2003), Е. Н. Проскуриной (2009).

На сегодняшний день существует немало исследований, посвященных творчеству Газданова, однако проблемы историко-литературного комментария к его произведениям затрагиваются в них недостаточно. Сведения и соображения комментаторского характера, способные прояснить вопросы исторического, литературного и культурного генезиса произведений, содержатся в отдельных статьях и разделах сборников. Особое место в ряду таких исследований занимают тематические номера журналов и сборники материалов конференций.

Газданов как писатель вырастает из классических и модернистских традиций русской и западноевропейских литератур. Тексты его оригинальных сочинений выстраиваются как своеобразные палимпсесты (Ж. Женетт), вобравшие в себя образы предшествующих периодов литературы. Для приближения к истинному смыслу и объективному толкованию газдановского художественного наследия необходимо, с одной стороны, учитывать его многочисленные интертекстуальные связи с произведениями таких классиков русской литературы, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов. С другой стороны, творчество Газданова во многом сопоставимо с произведениями таких зарубежных писателей, как Э. По, Р. Стивенсон, М. Пруст, Дж. Джойс, Л.-Ф. Селин, А. Камю, Г. Миллер. Этим вопросам посвящены работы Е. В. Асмоловой, В. А. Боярского, М. А. Васильевой, В. В. Высоцкой, В. З. Гассиевой, Л. Калоевой, С. А. Кибальника, Ким Се Унга, Т. Н. Красавченко, Л. В. Матанцевой, Ю. Д. Нечипоренко, М. С. Новикова, Е. Н. Проскуриной, М. Рубинс, А. К. Северинец,

Т. О. Семеновой, А. В. Сивковой, Е. К. Созиной, Л. В. Сыроватко, О. А. Третьяковой, С. Р. Федякина, Н. Д. Цховребова, А. И. Чагина и др.

Романы Газданова требуют не только историко-литературного, но также философского и религиоведческого комментария. Будущий писатель уже в отрочестве познакомился со многими сочинениями античной, западноевропейской и русской философии — прямые указания на это имеются в его произведениях. Необходимо также учитывать его своеобразное отношение к христианству, в том числе особый интерес к патристике. В рамках религиозного дискурса, появляющегося на страницах многих произведений, пристального внимания заслуживают буддизм и метемпсихоз, а также специфика сочетания в творчестве буддистских и христианских мотивов. Писатель более сорока лет был членом масонской ложи, что, несомненно, отразилось в его творчестве. Газданов принимал непосредственное участие во многих исторических событиях эпохи (Гражданская и Вторая мировая войны), которые повлияли на его личность и судьбу и, безусловно, получили отражение в его произведениях. Все это также уже привлекало внимание исследователей (работы И. П. Бочкова, Л. Д. Бугаевой, Л. Диенеша, С. А. Кибальника, Т. Н. Красавченко, А. В. Мартынова, Ю. В. Матвеевой, О. М. Орловой, Д. Л. Сапрыкина, А. И. Серкова, Р. М. Ханиновой и др.).

Автобиографический пласт произведений Газданова особенно широк и сложен для выявления в связи с осложненной культурной идентичностью автора. По национальности Газданов осетин, но осетинского языка он не знал; по его собственному признанию, русский язык был для него родным. Однако несомненен кавказский дискурс отдельных произведений. Его родители прекрасно знали осетинский язык, в детстве будущий писатель немало дней провел в доме своего деда во Владикавказе. Покинув родину шестнадцатилетним юношей, большую часть жизни Газданов провел во Франции. В Париж он приехал в 1923 г.; с 1928 по 1931 изучал историю литературы, экономику и социологию в

Сорбонне. Он свободно говорил и писал по-французски. Проблемы культурной идентичности писателя затрагиваются в работах Р. С. Бзарова, В. С. Газдановой, О. Е. Гайбарян, Т. Т. Камболова, О. М. Орловой, Т. К. Салбиева, А. А. Хадарцевой и др.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью историко-литературного комментария к творческому наследию писателя. **Предметом** диссертационной работы являются проблемы историко-литературного комментария к романам 1920–1930-х гг. При этом подразумевается широкое понимание «комментария» как метатекста, в котором претекст подвергается не только пояснению, но и осмыслению, интерпретации с изложением догадок и гипотез, им порождаемых. **Объект** исследования — романы «Вечер у Клэр», «История одного путешествия», «Ночные дороги», а также некоторые рассказы.

Цель настоящей работы — расширение историко-литературного комментария к романам Гайтó Газданова 1920–1930-х гг., тесно связанным с жизнью 1910-х гг. в России, Гражданской войной и парижской эмиграцией, с особенностями личности и биографии писателя, с русской и западноевропейской литературными традициями. Цель диссертации предполагает решение следующих **задач**:

- выявление художественной преемственности и своеобразия творческого наследия Газданова в историко-литературном контексте;
- выяснение характера и роли интертекста в создании собственного художественного высказывания писателя;
- прояснение вопросов исторического, литературного, биографического и культурного генезиса романов Газданова.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют труды отечественных текстологов, теоретиков и историков литературы и работы современных российских и зарубежных исследователей, посвященные проблемам комментария. В основе

методологии лежит историко-литературный и типологический подход к литературному тексту с элементами структурного и лингвистического анализа. При этом особое внимание уделяется комментарию, сосредоточенному «на внетекстовом фоне, на быте и идеях освещаемой эпохи»; «на литературном фоне, на интертекстуальных переключках автора с предшественниками и современниками»; «на языковом фоне, на языке и стиле, с оглядками на литературную и внелитературную традицию» (М. Л. Гаспаров). В центре внимания в основном комментарий интертекстуального характера, а также автобиографический и исторический комментарий.

Научно-практическая значимость диссертации определяется возможностью применения полученных результатов для решения эдиционных проблем. Детальный историко-литературный комментарий к произведениям, прочно вошедшим в корпус текстов классики русской литературы XX в. и вобравшим в себя самые разнообразные веяния не только русской, но и западноевропейской литературы, может позволить откорректировать современные научные представления о творческих истоках и историко-культурных основах творчества Газданова. Ряд конкретных наблюдений и выводов, связанных с изучением газдановской текстологии и поэтики, могут быть использованы в практике преподавания истории литературы русского зарубежья, а также при разработке спецкурсов, практикумов, семинаров.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в семи опубликованных и находящихся в печати работах. Отдельные результаты исследования были изложены в докладах: «Газданов и Достоевский (О романе “Вечер у Клэр”» (VI Международная летняя школа «Русская литература: история и историография», 2–6 июля 2009 г., Карельский перешеек), «Герои Достоевского” в газдановском “Вечере у Клэр”» (XXXIV Международные чтения «Достоевский и мировая культура», 11–14 ноября 2009 г., СПб.), «Гоголевское” в романе

Газданова «История одного путешествия»» (Международная научная конференция «Русское зарубежье в мировом культурном пространстве», 20–22 сент. 2010 г., СПб.).

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Структура первой главы предполагает деление на параграфы. Вторая и третья главы монотематичны.

Основные положения, выносимые на защиту:

— в романном творчестве Газданова разнообразные формы метатекстуального построения нацелены не просто на создание корреляции с известными читателю литературными типами: чужой образ писатель стилизует или пародирует, включая его тем самым в трансформированном виде в собственное художественное высказывание;

— полигенетический характер газдановского интертекста предполагает одновременную адресацию сразу к нескольким источникам и построение сложной системы взаимосвязей художественных текстов; при этом одни и те же образы у Газданова часто имеют как «литературных», так и реальных прототипов;

— второстепенный герой у Газданова — это носитель обширного корпуса интертекстуальных отсылок, зачастую не уступающий в своей аллюзивной нагрузке главным героям; такая насыщенность образов второстепенных персонажей корректирует распространенное мнение о связанности автобиографизма ранних романов исключительно с образом героя-рассказчика;

— различные виды экфрастических описаний, присутствующие в произведениях Газданова, вовлекают в круг ассоциаций не только зрительные, но и акустические впечатления, тем самым увеличивая культурную плотность романов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность работы, формулируются основные направления, цели, задачи и методы исследования, характеризуется степень изученности проблемы, приводится обзор научной литературы.

В первой главе диссертации **«Из комментариев к роману Газданова “Вечер у Клэр”»** текст романа рассматривается с точки зрения возможностей расширения историко-литературного комментария к нему и прояснения вопросов исторического, литературного, биографического и культурного генезиса этого произведения. Глава состоит из шести параграфов. Деление на параграфы основано на роли того или иного вида комментария и тематической целостности разрабатываемого сюжета.

В ходе анализа романа удалось выявить, что многочисленные эпизодические персонажи «Вечера у Клэр» несут на себе значительную функциональную нагрузку и при ближайшем рассмотрении обнаруживают признаки особого «избранничества». В первом параграфе **«Формы авторской самопрезентации в романе “Вечер у Клэр”»** через обращение к образу второстепенного героя Бориса Белова развивается гипотеза о «саморазоблачении» автора в романе. В ходе анализа двух эпизодов, включающих музыкальные экфрастические описания (исполнение кадетом Володей романса «Тишина» и Беловым — «Сентиментальной серенады» Э. Тозелли), в образе Бориса Белова выделены черты личности автора. Присущая герою мнимая «перманентная ирония» (В. С. Яновский), скрывающая внутреннюю ранимость, неуверенность, «боязнь насмешек» со стороны окружающих, нашла свое отражение в воспоминаниях современников, друзей и близких о самом Газданове. В мемуарных свидетельствах Г. В. Адамовича, М. Л. Слонима, А. О. Маршака, А. В. Бахраха, О. М. Абациевой-де-Нарп поразительна степень

солидарности, с которой современники Газданова говорят о его «своеобразном внутреннем комплексе» и нарочитой ироничности как защитном механизме. Их причиной стала глубокая внутренняя травма, связанная с ужасами Гражданской войны, в эпицентре которой оказался юный Газданов, с изгнанничеством. Проговаривание своих «страхов» на страницах художественного произведения становится для автора своеобразной формой самоанализа и возможностью преодоления внутренних комплексов.

В параграфе также выявлена многоплановость образа Бориса Белова. Внутренние противоречия героя и его отношение к музыке позволили говорить о том, что в некоторой степени его «прототипом» послужила личность поэта-символиста Андрея Белого, который в своих теоретических работах и литературно-критических выступлениях утверждал необходимость подчинения искусства слова законам музыки. На эту связь косвенным образом указывает имя героя — *Борис Белов*, — которое рассмотрено как неполная анаграмма настоящего имени поэта — *Борис Николаевич Бугаев* — и псевдонима — *Андрей Белый*. В фигуре Белова при всей его ироничности угадывается трагическая нота. Цитирование героем начала духовного стиха «Плачь Иосифа Прекраснаго, егда продаша братия его во Египет» вскрывает интертекстуальный подтекст образа: эти же строки предпосланы А. П. Чеховым в качестве эпиграфа к рассказу «Тоска» (1886).

Память как «структурный принцип» (Л. Диенеш) первого романа Газданова стала предметом исследования во втором параграфе «**Феномен слуховой памяти в романе “Вечер у Клэр”**», в котором предпринят анализ ряда акустических образов и меморативных знаков, составляющих слуховое воспоминание героя-рассказчика Николая Соседова. «Шорох песка» и «гул трясущейся земли» определены как автореминисценция, отсылающая к образу Бездны из книги Б. Паскаля «Мысли о религии и о

некоторых других вопросах» (1657–1658; опубл. 1670). Образ паскалевкой Бездны встречается в целом ряде произведений Газданова: в статье «Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане» (1929), в рассказе «На острове» (1932), в романе «Ночные дороги» (1939), в выступлении на радио «Свобода», посвященном П. Валери (15/16 ноября 1971 г.). Присутствие французского мыслителя в сознании русского писателя постоянно и ценностно значимо. Газданову свойственно метафизическое восприятие смерти как ухода в безмолвное небытие, растворение в окружающем мире, подчеркивающее неискоренимую двусоставность человеческого существования — «неизбывное сращение в нем элементов величия и ничтожества» (Б. Н. Тарасов).

В автореминисценции о полете нырка, в противовес предыдущему образу, прослежено созидательное начало. Демиургическая функция этого отрывка прослеживается при обращении к мировым космогоническим мифам, где птице, и в частности нырку (утке, водоплавающей птице), отведена ведущая роль. В этом же контексте рассмотрена «богумильская» легенда о сотворении человека, приведенная в книге В. Б. Шкловского «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923). На основе сопоставительного анализа двух обозначенных образов выявлено, что в романе криптографически проведена линия крушения старого / созидания нового, выраженная не только эксплицитно: как отраженное и проговоренное самим героем-рассказчиком внутреннее состояние или изменение внешних условий, — но и имплицитно, в иных случаях, бессознательно.

В рамках анализа акустического ряда (с привлечением рассказа «Товарищ Брак», 1928) определена функция включенной в текст романа народной песенной переработки стихотворения Н. Соколова «Горел, шумел пожар московский...» (1850). Показано, что обращение к этой песне поддерживает тему «невозвращения» на Родину, смерти вне Отечества, рефреном проходящую через весь роман, а также затрагивает

проблему случайного / закономерного, последовательно развиваемую Газдановым в творчестве. Музыкальные экфрастические описания составляют значительный образно-смысловой пласт романа и наделены важнейшими психологическими и маркирующими функциями. В то же время ассоциативный ряд, построенный главным образом на основании памяти слуха, дополнен и развит включением других «рецепторов», а также интертекстуальных и интеркультурных отсылок. В творческом арсенале писателя различные виды памяти взаимодействуют, взаимопроникают, позволяя «двигать» сюжет без опоры на традиционную романную интригу.

В третьем параграфе **«“Блоковское” в художественном пространстве романа “Вечер у Клэр”»** на основе художественного творчества, личной переписки, мемуаристики прослежен интерес Газданова к личности и творчеству А. А. Блока. Разграничивая настоящее поэтическое мастерство и стихотворное «ремесленничество», Газданов нередко впадал в крайности, отказывая в поэтическом даровании тем или иным признанным мастерам. Однако яростная и нередко эпатирующая категоричность Газданова в суждениях о поэтах становится признаком его страстной любви, заинтересованности, равнодушия к миру поэзии, проявлением особенностей его личности. А. А. Блок на протяжении всей жизни Газданова оставался для него «настоящим» поэтом и художественным ориентиром в творчестве.

В параграфе развивается мысль о глубокой внутренней связи романа со стихотворением Блока «Ты так светла, как снег невинный...» (1908). Особая значимость для поэтики Блока эпитета «светла», восходящего к образу «Светлой жены» Вл. Соловьева, непосредственно связывает образ Клэр (французское имя «Claire» означает «светлая») с образом лирической героини стихотворения Блока, для которой атрибут «светлая» становится неотъемлемым. Поэтическое сравнение Блока: «как снег невинный», —

также получает отражение в «снежной природе» (Е. Н. Проскурина) образа газдановской героини. В то же время обнаружено, что блоковское стихотворение становится скрытым «участником» «музыкального» эпизода «Вечера у Клэр», связанного с исполнением романса «Тишина». Проведено сопоставление эпизода, в котором Борис Белов обещает «крупную сумму» за доказательство реальности поэтических метафор романса, с газетным выступлением профессора медицины П. И. Дьяконова, предлагающего «100 рублей за перевод на общепонятный язык» символистских стихов Блока (Биржевые ведомости. 1909. 12 февр. (№ 10956). Веч. вып.). Выдвинуто предположение, что в шутке Белова пародируется не только рецепция современниками блоковского стихотворения, но и в целом откровенное или наигранное непонимание модернистской поэзии в литературной среде 1900-х, относившейся к символистским новациям настороженно и по большей части отрицательно.

В четвертом параграфе **«Отзвуки Достоевского в романе “Вечер у Клэр”»** через обращение к образам «бронепоездных негодяев» Валентина Александровича Воробьева и солдата Копчика проведен анализ механизмов «пародийного присутствия» Ф. М. Достоевского в романе. Выявлены маркеры такого присутствия: неоднократные употребления слов идиоглоссария Достоевского («мерзавец», «негодяй», иронически переосмысленный Газдановым эпитет «благообразный»), прямая визуализация образа Достоевского посредством экфрасиса (неоднократное упоминание портрета писателя). Сопоставительный анализ героев Достоевского и Газданова обнаружил множественные параллели. Внешний облик, манера поведения, развратность Воробьева позволяют сравнить его с Федором Павловичем Карамазовым и со Свидригайловым. Пагубная привычка к «зеленому змию» объединяет газдановского героя с Мармеладовым с той разницей, что Воробьев — это лишь циник, пользующийся в своих пьяных причитаниях некоторыми фразами,

конструкциями, интонациями Мармеладова. «Воровские» наклонности Воробьева при его же «чрезвычайном благообразии» рассмотрены как аллюзия на дебатлируемую в «Идиоте» (1868) тему: «может ли честный человек быть вором?» — и в частности, как отсылка к образу Фердыщенко. Воссоздавая в Воробьеве «миниатюру грандиозных преступлений», Газданов в действительности рисует убогого, жалкого «негодяя», отнюдь не наделенного какими бы то ни было «исключительными» качествами.

Выявлено, что тип героя-«мечтателя», уходящего от действительности в воображаемый мир, достаточно распространен в творчестве Газданова. В «Вечере у Клэр» таким героем является солдат Копчик, «мечтательство» которого восходит к «мечтателям» Достоевского («Слабое сердце», 1848; «Записки из подполья», 1864). Подвергая позицию «подпольного» человека пародийному переосмыслению, писатель выводит в Копчике тип крайне сниженного, опрощенного «мечтателя», которого совершенно устраивает его положение и который всеми силами старается его сохранить. Газданов, стилизуя и пародируя героев Достоевского, при этом отчасти использует его художественные приемы. Особое внимание автора привлекают именно те образы, с которыми Н. Н. Страхов сближал писателя в своем известном письме Л. Н. Толстому. В этом проявляется попытка Газданова «развенчать» (оспорить) Достоевского, в которой он был не одинок в эмигрантской литературе. Однако вступая в скрытую метатекстуальную полемику с Достоевским, Газданов одновременно опирается на его поэтику.

В пятом параграфе **«Бестиарное в художественном пространстве “Вечера у Клэр” (Орнитологическая составляющая)»** рассмотрены образы петуха и воробья, занимающие одну из главенствующих позиций в системе бестиария романа. Бестиарное находится в сложном взаимодействии с художественным целым произведения и имеет для его восприятия самые серьезные последствия. Проанализированы образы птиц

как представителей животного мира и как носителей определенной мифопоэтической традиции. Образ петуха в «Вечере у Клэр» выстроен в цирковом контексте. Об этом свидетельствует фокус художника Сиповского с застывшим в меловом круге петухом, демонстрирующий явление каталепсии; а также песенка клоуна «Цыпленок жареный, цыпленок пареный». В то же время образ петуха соотнесен с повестями из сборника Н. В. Гоголя «Миргород» (1835), что подтверждает полигенетическую природу газдановского интертекста.

Многоуровневая структура орнитологической составляющей бестиария романа не является законченной и непроницаемой. Так, обращение к ономастически маркированным именам героев (Валентин Александрович Воробьев, Гриша Воробьев) повлекло обнаружение целого ряда дополнительных подтекстов, среди которых — интертекстуальные связи газдановских героев с произведениями И. Эренбурга и М. Креницкого. Создавая образы даже эпизодических персонажей, писатель не ограничивается узким кругом интертекстуальных отсылок, а оперирует целыми пластами литературных аллюзий, как на мировую классику, так и на современную ему литературу.

В «Вечере у Клэр» нашли отражение наиболее значимые события не только внутренней жизни писателя. Это произведение стало памятником эпохи и во многом отразило приметы времени, сконцентрировав в ограниченном пространстве художественного произведения важнейшие для страны события. Проведенный в шестом параграфе **«Газдановские “кухарки” в свете русских революций»** анализ знаменательных эпизодов романа, объединенных героями одного социального слоя, во многом проясняет исторический контекст произведения. Прослежен виртуальный переворот, обозначенный в романе в эпизодах о кухарке Марфе, которая сможет читать лекции «об эпохе раннего Ренессанса», о поварихе Васильевне, отказывающейся служить господам и называющей себя

«барыней», о главной кухарке офицерского собрания, «немолодой и хромой женщине», любовником которой был «пятнадцатилетний красивый мальчик». Анализ обозначенных эпизодов вскрывает рецепцию образа «ленинской кухарки» (получившего распространение благодаря политическому плакату И. П. Макарычева и С. Б. Раева, 1925 г.) в качестве символа «подмены» социальных ролей, социального безвременья. Это отражает реальный исторический контекст, когда в советской России бывшие бедные могут издеваться над бывшими господами, а бывшие господа, князья, генералы превратились в нищих эмигрантов.

Рецепция этих эпизодов расширяется за счет привлечения интертекстуального комментария. «Любовная» связь красивого «мальчишки» и «немолодой хромой» кухарки — криптопародия на поднятую Достоевским в своем творчестве тему нарушения естественных человеческих связей. Это тема растления малолетних, реализованная в образах Свидригайлова и Ставрогина, а также женитьба Ставрогина на «хромоножке» Лебядкиной как вызов привычным общественным нормам. В газдановском романе противоестественные отношения, вписанные в контекст всеобщего разврата, царящего на бронепоезде, становятся приметой времени, вводя ситуацию романа в культурно-исторический контекст эпохи.

Во второй главе **«“Гоголевское” в романе Газданова “История одного путешествия”»** прослежена роль гоголевского интертекста в отдельных эпизодах второго романа Газданова. Н. В. Гоголь как писатель и как личность входил в орбиту особенно пристального внимания автора «Истории одного путешествия». Помимо постоянных и значимых отсылок к различным произведениям Гоголя (в частности к повестям «Миргорода»), присутствующих в художественных текстах Газданова, об этом свидетельствуют две статьи, которые он посвятил писателю — «Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане» (1929) и «О Гоголе» (1960).

Эти же работы говорят о его широком знакомстве с мемуарной литературой о Гоголе.

Проведен детальный анализ истории отношений второстепенного героя Сережи Свистунова и его супруги, позволивший предположить, что основными их «литературными прототипами» стали герои повести Гоголя «Старосветские помещики» (1834) Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна Товстогубы. История Свистунова в значительной степени строится на образах еды и дополнена соответствующими сниженными образами духовных движений, что отражает построение гоголевской повести. У Газданова «гастрономические» воспоминания, связывающие героев, «перекрываются» катарсическим прозрением Сережи, совершившимся в момент поцелуя. Одухотворение образа Свистунова рассмотрено как отголосок «усложнения амбивалентности образа» Афанасия Ивановича (Ю. В. Манн), показанного во второй части повести через реакцию на смерть Пульхерии Ивановны. Именно «гастрономическое» воспоминание Афанасия Ивановича про «мнишки со сметаной» становится причиной его внезапного приступа скорби, выражающего всю глубину внутренних переживаний героя.

Образы еды у Газданова развиты в своего рода раблезианской, ренессансной традиции как символ богатства и многосторонности жизни (М. М. Бахтин), что отражает развитие второго смыслового плана «еды» у Гоголя, присутствующего и в «Старосветских помещиках», и в «Мертвых душах» (1835–1842; 1843–1851). Гоголевская дихотомия расслабляющей рефлексии и здоровой жизненной прозы, воплощенная в паре персонажей «Петух / Платонов», не раз пародийно отражена в соединяющих оба начала образах ранних произведений Газданова (художник Северный и герой-рассказчик «Вечера у Клэр»; французская журналистка из «Истории одного путешествия»).

Сопоставительный анализ образа газдановского героя и воспоминаний современников о Гоголе (С. Т. Аксакова, П. В. Анненкова,

Л. И. Арнольди, И. Ф. Золотарева, А. О. Смирновой, А. Т. Тарасенкова и др.) позволил говорить о том, что в Свистунове криптопародийно отражен образ самого писателя, сложившийся в мемуарной литературе. Здесь Гоголь зачастую предстает как настоящий гурман и «гастроном», а его отношение к еде иногда переходит в болезненное состояние. Горькая ирония нарисованной Газдановым картины заключена в том, что человек, страстно увлекающийся кулинарией и ценящий вкусовые ощущения, в то же время страдает от болезней желудка.

Во второй части повествования о Сереже Свистунове появляется образ «проезжего лектора», который чрезвычайно повлиял на мировосприятие героя. Пафосное увлечение лектора Италией (передавшееся и Сереже) проявляется в его восторженных восклицаниях и навязчивых побуждениях посетить «страну вечного солнца» и увидеть знаменитую статую пророка Моисея работы Микеланджело Буонарроти. Это обстоятельство также расценено как намек на отношение Гоголя к Италии, в которой писатель, по его словам, обрел «родину души своей». Образ Моисея также весьма значим для Гоголя: фигура пророка оказывается в центре внимания его статьи «О лиризме наших поэтов» (1845–1846) из «Выбранных мест из переписки с друзьями». Отношение Гоголя к статуе Моисея отражено в воспоминаниях А. О. Смирновой о прогулках с писателем по Риму. Обращение к эссе З. Фрейда «“Моисей” Микеланджело» (1914), в котором выдвинута трактовка образа пророка как воплощения высокого духовного подвига укрощения внутренних страстей, проясняет смысл призыва лектора увидеть Моисея. Этот призыв рассматривается как намек на возможность преодоления Свистуновым своих «страстей»: отказ от чревоугодия.

В третьей главе **«“Чеховское” в романе Газданова “Ночные дороги”»** показано, что в произведении имеют место не только отдельные реминисценции, но и целые сюжетные ситуации, диалоги, герои

А. П. Чехова. Литературным «прототипом» героини «Ночных дорог» квартирной хозяйки Леночки названа Ольга Ивановна Дымова из рассказа «Попрыгунья» (1892). Помимо сюжетных параллелей и внутреннего сходства (постоянное пребывание в состоянии «мечтательства», эскапизм, непостоянство, непоследовательность, непримиримость к другим женщинам, «готовые» представления обо всем, стремление к доминированию над партнером, потребительское отношение к мужьям, «созидательные» устремления личности и пр.), сближение основано на общности темпоритмовой организации речи героинь. Газданов, таким образом, «заимствует» у Чехова не только содержательную сторону, но и форму ее организации в тексте произведения, при этом подвергая их определенной трансформации: стилизованная под Ольгу Ивановну Леночка обретает отдельные, пародийно заостренные черты, но при этом не обнаруживает существенных различий с чеховской героиней. Введение в текст романа своеобразного «двойника» Леночки, хозяина дома, в котором живут герои, призвано усилить связь этих образов с чеховским рассказом.

Любовник Леночки Сережа наделен некоторыми чертами Осипа Дымова. Связь между ними обладает меньшей степенью очевидности, при сопоставлении образов выявляются существенные различия. Если чеховский герой на самом деле оказывается «редким, необыкновенным, великим человеком», то в персонаже Газданова никакой гениальности и таланта не обнаруживается, о его профессиональном потенциале читателю остается только догадываться. Причастность Сережи к медицине и, что еще более значимо, та область медицины, в которой он является специалистом: «доктор по женским болезням», — воспринимаются как иронический намек на доктора Дымова. Здесь можно говорить не только о «подсветке» образа через его соотнесение с узнаваемым литературным прототипом, но и о его сознательной трансформации.

В газдановском романе также нашла отражение и переосмысление такая хрестоматийная глубоко символическая чеховская деталь, как «звук

лопнувшей струны». Здесь она трансформирована в звук «щелкнувшей пружины» и вписана в тривиальную постельную сцену. Тот факт, что Газданов использует эту знаменитую деталь из пьесы «Вишневый сад» (1903) в криптопародийном ключе, очевидно, связан с несколько скептическим отношением писателя к драматургии Чехова, отразившимся, например, в статье «О Чехове» (1964). Тем не менее, не подвергаются сомнению его интерес и особое внимание к чеховским деталям, всегда глубоко символичным. Газданов активно использует чеховские приемы создания образа, при этом его герои внутренне не полемизируют со своими «литературными» прототипами. Ирония Газданова направлена не на автора «Попрыгуньи» или его героев, а на современную ему действительность, в которой писатель узнает психологию и манеру поведения того или иного типа русского человека дореволюционной эпохи, запечатленную еще Чеховым.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшей разработки историко-литературного комментария к творческому наследию писателя. Обращение к романам Газданова 1920–1930-х гг. позволило выявить глубокую связь его творчества с русской литературной традицией, в первую очередь с произведениями Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова. Одновременно оно продемонстрировало актуальность для газдановской прозы некоторых произведений советской литературы (И. Г. Эренбурга, В. Б. Шкловского).

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

(астериском отмечены публикации в научных изданиях,
рекомендованных ВАК РФ)

- 1) *Александрова Э. К. Отзвуки Достоевского в романе Газданова «Вечер у Клэр» // Достоевский: материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19. С. 352–364.
- 2) *Александрова Э. К. Дискурс слуховой памяти в романе Газданова «Вечер у Клэр» // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 79–87.
- 3) *Александрова Э. К. Формы авторской самопрезентации в романе Газданова «Вечер у Клэр» // Филологические науки. 2010. № 5. С. 36–45.
- 4) *Александрова Э. К. «Старосветские помещики в Париже»: «гастрономическая» пародия у Газданова // Русская литература. 2011. № 1. (В печати).
- 5) Гумерова Э. К. Гайто Газданов: из дополнений к библиографии // Литература русского зарубежья (1920–1940-е годы): взгляд из XXI в.: матер. Междунар. научно-практ. конф., 4–6 окт. 2007 г. / под ред. Л. А. Иезуитовой, С. Д. Титаренко. СПб., 2008. С. 274–284.
- 6) Александрова Э. К. «Негодяи» Газданова в свете героев Достоевского // Лесная школа: труды VI Междунар. летней школы на Карельском перешейке по русской литературе / под ред. А. Балакина, А. Долинина, А. Кобринского, А. Костина, О. Лекманова, М. Люстрова. Пос. Поляны (Уусикирко) Лен. обл., 2010. С. 253–265.
- 7) Александрова Э. К. Чеховская «Попрыгунья» в «Ночных дорогах» Газданова // Образ Чехова и чеховской России в современном мире: к 150-летию со дня рождения А. П. Чехова / отв. ред. В. Б. Катаев, С. А. Кибальник. СПб., 2011. (В печати).